
ЛИТЕРАТУРА И ОБЩЕСТВО

УДК 821.111+930

КРАСАВЧЕНКО Т.Н.¹ СЮЖЕТ О КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ (1853–1856) В БРИТАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ.

DOI: 10.31249/lit/2021.02.05

Аннотация. Подлинные цели Крымской войны середины XIX в. изначально не были ясны британцам, а со временем и вовсе позабылись. Однако в коллективной национальной британской памяти сохранились несколько культовых произведений, образов и персонажей: «Атака легкой кавалерии» поэта-лауреата Альфреда Теннисона, мотив «тонкой красной линии», легендарная Флоренс Найтингейл. Таким образом, события истории забываются, помнят то, что сохраняет культура.

Ключевые слова: Крымская война; Великобритания; Россия; «Большая игра»; культовые произведения; образы и персонажи британской культуры.

KRASAVCHENKO T.N. The story of the Crimean war (1853–1856) in the British culture.

Abstract. The real goals of the Crimean war, which took place in the middle of the 19th century, were unclear to the general British public initially and completely forgotten over time. However several cult works, images and characters have survived in the collective national British memory: a poem by a poet-laureate Alfred Tennyson «The charge of the light brigade», the «thin red line» motif, legendary Florence Night-

¹ Красавченко Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН.

ingale. Thus the historical events are forgotten, and those things that are kept by culture overcome the time.

Keywords: the Crimean war; Great Britain; Russia; «The Great Game»; cult works; images; characters of British culture.

Для цитирования: Красавченко Т.Н. Сюжет о Крымской войне (1853–1856) в британской культуре // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7 : Литературоведение. – 2021. – № 2. – С. 62–77. DOI: 10.31249/lit/2021.02.05

Причины и следствия Крымской войны (1853–1856) ныне смутно известны в Британии. Поэтому, несмотря на существование целого ряда историографических исследований о Крымской войне, опубликованная в 2010 г. книга «Крым: Последний крестовый поход» [15] видного британского историка и писателя, специалиста по русской истории, профессора Бирбек-колледжа (Лондон) Орландо Файджеса привлекла внимание читателей. О. Файджес – широко известный автор многих книг, переведенных на разные языки, в их числе «Трагедия народа» (1996) – о русской революции, «Танец Наташи» (2002) – история русской культуры, документальный роман «Шепчущие: частная жизнь в сталинской России» (2007).

Война, о которой пишет О. Файджес, называлась также «Восточной», а в английской мемуарной литературе – «Русской» («Russian») и в реальности состояла из нескольких кампаний – Дунайской, Кавказской, Азовской, Балтийской, Беломорской, Петропавловской, но Файджес пишет именно о Крымской кампании как об ее центральном эпизоде. Инициатором войны выступила Турция: 4 (16) октября 1853 г. она объявила войну России.

О. Файджес заново осмысливает эту войну, ставки в которой были весьма высоки. Основываясь на британских, русских, французских и османских архивах, он исследует, насколько глубоким оказался след, оставленный Крымской войной в национальном сознании прежде всего Британии и России, а также Франции и Турции. Он сочетает анализ военной, дипломатической, политической истории с историей культуры и вписывает Крымскую войну в контекст «Восточного вопроса», тех дипломатических и политических проблем, которые привели к упадку Османской империи. При

этом он выявляет особое значение религиозной борьбы между Россией, защитницей Православия, и Францией, защитницей католиков в Оттоманской империи. Крымскую войну он рассматривает как результат долгого религиозного конфликта между христианами и мусульманами на Балканах, в южной России и на Кавказе, который продолжается до сих пор.

Файджес сумел живо изобразить войну, передать страх, ужас ее участников, показать некомпетентность офицеров – он использовал в книге материалы корреспонденций из Крыма в лондонскую «Таймс» журналиста Уильяма Ховарда Рассела (Russell), письма домой солдат с обеих сторон, «Севастопольские рассказы» Толстого и создал образы как обычного британского солдата, сидевшего в заснеженном окопе под Севастополем, так и мрачного Николая I, поклявшегося внушить всему миру свое стремление к религиозному спасению.

Крымскую войну О. Файджес рассматривает как первую подлинно современную войну, в которой окопные бои за Севастополь были «генеральной репетицией» окопных боев Первой мировой. Во время Крымской войны уже существовала фотография, позволявшая запечатлеть события, появился телеграф, мгновенно передававший новости. Она стала первой «газетно-информационной, пропагандистской» войной. Это было важно для общества, где пресса и общественное мнение постепенно обретали все большее значение. Британский историк Э. Лэмберт назвал Крымскую войну «первой медиавойной», в которой репортажи У.Х. Рассела, описывавшие военные неудачи британцев и тяжелое состояние армии, «привлекали всеобщее внимание» и немало способствовали отставке в 1855 г. британского правительства Абердина, которого сменил Палмерстон [6]. Хронику Крымской войны создал и фотограф Роберт Фентон, его фотографии стали первыми в истории военными фоторепортажами с места событий.

Репортажи Рассела и Фентона показали широкой публике военный быт в его ужасающей наготе, страшные условия в военных лазаретах, где раненые чаще погибали не от ран, а от последствий антисанитарии. Несмотря на всю свою «современность», Крымская война была вполне традиционной – с обеих сторон воз-

никали проблемы со снабжением, плохими командирами, непрофессионализмом дипломатов. Военные репортажи не оставили сомнений в крахе сословной системы в британской армии. Офицеры-аристократы были слишком далеки от простых солдат. Война велась яростно и некомпетентно. Военные действия затягивались. Файджес в качестве комического парадокса приводит свидетельство о том, что британский главнокомандующий лорд Рэглан (Raglan) после Наполеоновских войн по инерции продолжал считать врагами не русских, а французов.

Файджес также показывает, как Франция и Британия втянулись в войну под влиянием русофобских идей, распространившихся в Европе на волне революций 1830 и 1848 гг. Усиление антиросийских настроений с 1830-х годов стало предпосылкой конфликта: в Европе у России (кроме Греческого королевства) не осталось союзников.

Крымская война воспринималась как своеобразный «крестовый поход» Запада против «жандарма Европы», как защита высших ценностей цивилизации. По мнению Файджеса, в середине XIX в. в британской прессе царила такая истерическая русофобия, что правительству не оставалось ничего иного, как противостоять русской угрозе.

Как и многие другие войны, это была война за территории и сферы влияния, вызванная опасением, что в случае поражения Османской империи Россия будет контролировать огромную территорию от Балкан до Персидского залива. Великобританию беспокоило не только усиление влияния России на Балканах, но и ее экспансия на Кавказе и возможное продвижение в Среднюю Азию. Россия была для Великобритании главным геополитическим противником, против которого она вела «Большую игру» (термин, принятый и дипломатами той поры, и современными историками, он встречается в романе Киплинга «Ким», где присутствует тема геополитического противостояния Британии и России в Индии).

Во время Крымской войны британская политика оказалась сосредоточена в руках лорда Палмерстона, замыслившего обширный раздел России, согласно которому, в частности, Крым, Черкесия и Грузия отделялись от России: Крым и Грузия отходили Тур-

ции, а Черкесия становилась независимой или же связанной с Турцией отношениями сюзеренитета [9, р. 110]. У Британии вызывало тревогу то, что самый короткий и дешевый путь в Иран по Черному морю может быть закрыт Россией, и она стремилась к вытеснению России с Черноморского побережья, Кавказа, из Закавказья и Северной Америки.

Это была также религиозная война, вдохновляемая страстной верой Николая I в идеи панславизма, у него были планы отделить балканские владения Османской империи, населенные православными народами, чему Великобритания противилась. Царь хотел вдохновить славян на восстания против турок, он верил в то, что долг России – править всем православным миром. Николай I, как показывает О. Файджес, втянул свой народ в войну, чтобы присоединить куски «пришедшей в упадок» Оттоманской империи, а также «контролировать» Святую Землю. Первые вспышки религиозного противостояния между православными и католиками случились в Вифлееме во время Пасхи 1846 г., когда в столкновении погибло 40 человек. Противостояние во имя Бога продолжалось и дальше. Файджес прослеживает дипломатические споры между Россией и Францией о том, какая церковь – православная или католическая – должна охранять святыни храма Рождества Христова в Святой Земле. Это стало яблоком раздора между русскими и французами, хотя главной причиной участия французского императора Наполеона III в коалиции против России было его стремление к реваншу после поражения его дяди Наполеона I в 1812 г. и желание вернуть Франции былую славу.

Крымская война представляется О. Файджесу уникальной еще и потому, что христианские Британия и Франция (и примкнувшее к ним по собственным мотивам Сардинское королевство) поддерживали мусульманскую Турцию против христианской России. Очевидно, что для Европы «после Ватерлоо французы перестали быть врагами и стали новыми друзьями, возникли новые конфигурации союзов, а Россия стала новым врагом» [8, р. 285]. Впервые со времен Отечественной войны 1812 г. Россия противостояла крупной коалиции европейских стран.

Накал ненависти, особенно со стороны Запада, был велик. Англиканские священники призывали своих прихожан-солдат ненавидеть русских варваров, а русские священники свою неграмотную паству, солдат из крестьян, – не щадить супостатов с Запада. Рассел в одном из репортажей в «Таймс» упомянул «проклятые московитские пушки», употребив анахронический термин XVI в. Файджес показывает, как исконное, возникшее еще при Иване Грозном, архаичное западное пренебрежительное отношение к русским как к варварам, чье поведение не является христианским, повлияло на политику в отношении России.

До окончания Крымской кампании в британской прессе было опубликовано много – около 300 – поэтических откликов на войну, написанных и литераторами, и любителями – журналистами, адвокатами, священниками, военными, которых взволновала тема войны. Российская исследовательница О.Г. Сидорова дополняет их еще 214 стихотворениями, напечатанными в журнале «Панч», 57 анонимными уличными балладами «на злобу дня» [12, с. 107] и расценивает их как рифмованные отклики на сообщения прессы, обыгрывавшие многие темы и мотивы из репортажей Рассела, Фентона и их коллег. Авторы анонимных уличных баллад, распространяемых в виде листовок, играя на ура-патриотических и шовинистических чувствах публики, широко использовали сниженную лексику и жаргон. Британия в балладах – прекрасная леди, выступающая за справедливость, защищающая слабых. Нередко она персонифицируется в образе льва, при этом британские солдаты – смельчаки и победители. Русский традиционно представлен в балладах в образе медведя. Другой персонаж баллад – русский царь. Его называют фамильярно Ник, сравнивают с боровом, утверждают, что он спаивает подданных. В балладе «Разговор между Джоном Булем и царем» Джон Буль, т.е. типичный англичанин, называет русского царя Ника «мерзким русским боровом», который «накачивает ромом и грогом своих солдат / И посылает их в туман / К нам на бойню» («You are a nasty Russian hog / You staff your man with rum and grog, / And send them on to us in a fog, / But they were soon defeated») [4]. Для описания царя используется

сниженная лексика. Так, баллада о смерти императора Николая I 18 февраля (2 марта) 1855 г. в возрасте 59 лет называется «Император России откинул копыта» (*Emperor of Russia kicked the Bucket*), в ней сказано, что умер тиран, император, он не мог победить и «умер в скорби и печали», «Россия скорбит, Британия ликует» [11].

Как заметила О.Г. Сидорова, баллады имели «мало отношения к художественной литературе», но были важным свидетельством эпохи, они демонстрировали «господствовавшие в обществе <...> стереотипы массового сознания» [12, с. 108–109].

В целом же значительная часть британского общества не понимала смысла и целей Крымской войны, и после первых серьезных потерь возникла сильная антивоенная оппозиция в стране и парламенте, что в конце концов привело к уже упомянутой отставке кабинета премьер-министра Абердина в январе 1855 г. Позднее английский историк-либерал Джордж Тревельян назвал Крымскую войну просто «глупой экспедицией в Черное море, предпринятой без достаточных оснований, так как английскому народу наскучил мир. <...> Буржуазная демократия, возбужденная прессой, подстрекалась к крестовому походу ради турецкого господства над балканскими христианами» [14, с. 573]. Практически никто уже не помнил о преимуществах, полученных Великобританией: одной из основных целей ее участия в Крымской войне были торговые привилегии – введение благоприятного режима для импорта английских товаров, и он был введен в 1857 г., через год после окончания войны, видимо, по выдвинутому в ходе мирных переговоров требованию Великобритании. Что касается России, то Николай I фактически заплатил жизнью за проигранную войну, и неважно, правдива ли версия о его самоубийстве: очевидно, что крушение надежд, стресс от проигрыша оказались для него роковыми. По большому счету, поражение в войне, выявившее существенное экономическое и технологическое отставание России от Запада, способствовало проведению экономических реформ в России, результатом которых стало освобождение крестьян в 1861 г. Но в последующие 150 лет Россия, как отмечает О. Файджес, не простила Альбиону предательства – союзничества с турками против «европейских кузенов», а позднее холодная война советской эпохи

заморозила основные проблемы, которые определились в XIX в., конфликты назывались по-разному, но нередко были все те же.

Хотя масштабные, «великие» цели войны со временем забылись, она осталась в коллективной национальной памяти благодаря нескольким культовым произведениям, образам и персонажам. И первое среди них – стихотворение «Атака легкой кавалерии»: о трагическом эпизоде войны, когда бригада легкой кавалерии – шестьсот британских кавалеристов, среди них цвет британской аристократии, – во время Балаклавского сражения 25 октября 1854 г. по приказу главнокомандующего британской армии лорда Рэглана под перекрестным огнем вражеских пушек отчаянно, бессмысленно, самоубийственно штурмовала позиции противника, чтобы отбить артиллерийские орудия, захваченные русскими у турок. Потери, по разным источникам, составили от трети до двух третей личного состава. Русскому противнику – пехотинцам, которыми командовал генерал Павел Липранди, действия британских кавалеристов показались неадекватными, они произвели впечатление пьяных. Но они не были пьяны, просто они получили приказ и исполнили его, хотя изначально он обрекал их на гибель и поражение, и они это понимали. Журналист У.Х. Рассел, наблюдавший атаку и оценивший потери в 409 человек, писал в «Таймс»: «Наша легкая бригада была уничтожена из-за собственного безрассудства и жестокости свирепого врага» [5, р. 7–8]. Потом это запутанное дело рассматривалось и в палате общин и в палате лордов, о нем написано немало исследований [см.: 2].

Знаменитый британский поэт-лауреат Альфред Теннисон в 1854 г. прочел сообщение об этом событии в газете «Таймс» и тут же, по воспоминаниям его внука, написал стихотворение «Атака легкой кавалерии», в котором воспевалась отвага, подвиг британских кавалеристов и оплакивалась их бессмысленная гибель. Стихотворение было опубликовано 9 декабря в британской газете *The Examiner* и сразу стало очень популярным, в том числе и среди солдат в Крыму, где шла война. Ныне оно входит в школьные программы.

Теннисон создал страшный образ войны, употребляя такие метафоры, как «челюсти Смерти» (jaws of Death), «пасть Ада» (mouth of Hell), но в стихотворении почти нет упоминания врага – лишь в трех строках (34–36) из 55 упомянута «казаки и русские», отступающие под сабельными ударами – разрозненно, врассыпную. О.Г. Сидорова объясняет практическое отсутствие образа врага тем, что англичане считали русских «ничтожными противниками», образ слабого врага снижал, девальвировал «образ героя и героизма – героизма не победного, но стоического, славного поражения, которое в моральном плане <...> выше победы» [12, с. 110]. Вновь сказывались негативные «русские» стереотипы, хотя, как известно, в Наполеоновских войнах и в войнах с турками русские и британцы были союзниками, и тогда восприятие русских как воинов было иным. Например, в 1827 г. объединенный англо-франко-российский флот в битве при Наварине уничтожил практически весь османский флот.

В 1968 г. известный британский режиссер Тони Ричардсон снял фильм «Атака легкой кавалерии» (1968), в котором воспроизведены события тех дней, одним из сценаристов был драматург Джон Осборн, лорда Рэглана сыграл Джон Гилгуд. В этом фильме британские офицеры и солдаты, получив приказ главнокомандующего, понимают его ошибочность и гибельность для них, но не могут не выполнить его и почти все погибают. В фильме разоблачается сущность викторианского правящего класса, сделавшего трагедию возможной. Высокопоставленные британские офицеры изображены в разных ситуациях – в казармах, дома, в театре – и везде очевидны лицемерие и пустота военной касты.

В 1890 г. Редьярд Киплинг по «следам Теннисона» написал стихотворение «Последние из легкой бригады» (*The Last of the Light Brigade*) – о встрече через тридцать шесть лет после события с последними двадцатью выжившими ветеранами бригады, их тяжелой судьбе. Теннисона, которому исполнилось 80 лет, он упрекнул в пренебрежительном отношении к судьбам старых солдат в Британии. Была ли эта встреча на самом деле – неизвестно. Возможно, Киплинг просто привлек внимание к тяжелым условиям, в

которых доживают свой век военные ветераны в Британии. А еще известно, что Уинстон Черчилль, премьер-министр Великобритании, но также и военный историк, находясь в феврале 1945 г. на Ялтинской конференции, посетил ту самую «долину смерти», где состоялась атака легкой кавалерии.

Широко распространилось и приобретшее символическое значение выражение «тонкая красная линия» (the Thin Red Line), связанное с историческим событием – участием 93-го пехотного полка шотландских сазерлендских горцев в битве при Балаклаве 25 октября 1854 г. Чтобы прикрыть слишком широкий фронт атаки русской кавалерии, генерал-майор сэр Колин Кэмпбелл построил солдат в шеренгу по двое, вместо предписанной по уставу шеренги из четырех солдат. От красных мундиров британцев пошло выражение – «тонкая красная линия», превратившееся в художественный образ – символ стойкости, самоотверженности, британского хладнокровия в сражениях, обороны из последних сил.

Некая ирония кроется в том, что именно в столкновении 25 октября особого мужества от британцев не потребовалось. 1-й Уральский казачий полк под командованием подполковника Хорошихина (с тремя сотнями 53-го Донского казачьего полка) двинулся к холму, за которым скрывалась линия обороны шотландцев. Казаки, продемонстрировав сперва намерение к сокрушительной атаке, вдруг остановились в 500 метрах от холма. Шотландцы открыли огонь (тут существуют разные версии – то ли не выдержав нервного напряжения, то ли решив опробовать новую тактику и сделав ставку на скорострельность своих новых ружей, теперь перезаряжавшихся гораздо быстрее, чем в предыдущие войны). Они дали три залпа вместо одного, и казаки отошли. Если бы они дошли до шотландцев, то тем в штыковой атаке пришлось бы туго именно из-за слишком тонкой «красной линии», но в любом случае скорострельность ружей сработала. По другой версии, казаки повернули, решив, что четкость построения шотландцев, их уверенность свидетельствуют о том, что за ними скрываются солидные силы. Существует и третья версия: казаки решили «не нарываться», удовлетворившись разведывательной миссией. Возможно, есть и иные версии.

В 1881 г. «битву» при Балаклаве увековечил шотландский художник Роберт Гибб (1845–1932) на картине «Тонкая красная линия» и она была выставлена в шотландском Национальном военном музее в Эдинбургском замке. Другая картина висит в актовом зале Высшей школы Глазго, где учился Кэмпбелл, на ней изображены сраженные шотландскими пулями русские пехотинцы. В британский культурный быт вошел головной убор, закрывающий все лицо с прорезями для глаз и рта, под названием *balaklava* – его придумали мерзшие под Балаклавой британские солдаты.

Еще одна легенда Крымской войны – сестра милосердия Флоренс Найтингейл (1820–1910). В октябре 1854 г. Флоренс, девушка из богатой и родовитой британской семьи, с 38 помощницами – медсестрами, которых она подготовила, и пятью католическими монахинями отправилась сначала в Турцию, затем в Крым, где гораздо больше солдат погибало от тифа, холеры, дизентерии, чем от ран, полученных в бою. Найтингейл последовательно вводила в госпиталях принципы санитарии – в результате менее чем за шесть месяцев смертность в них снизилась в десятки раз. В 1856 г. Флоренс на свои деньги поставила над Балаклавой большой крест из белого мрамора в память о солдатах, врачах и сестрах милосердия, погибших в Крыму. По возвращении в Англию она провела кардинальную реорганизацию всей военной медицинской службы Британии.

Крымская война сделала ее национальной героиней. В 1918 г. известный биограф и критик, близкий к модернистской группе «Блумсбери» Джайлс Литтон Стрейчи в книге «Выдающиеся викторианцы» опубликовал главу о Найтингейл, сделав ее культовой фигурой для британских феминисток. Он представил ее как энергичную, целеустремленную женщину, которая была одновременно невыносимой и восхитительной.

О ее жизни и судьбе снято несколько художественных и документальных фильмов. В 1929 г. бывший политик-либерал, драматург Реджинальд Беркли написал пьесу «Леди с лампой» – во всех воспоминаниях современников о Найтингейл рассказывается, как она совершала в лазаретах вечерние и ночные обходы с лампой, проверяя состояние раненых и больных. В пьесе, во многом

использующей материалы главы из книги Стрейчи, Флоренс предстает как не вполне симпатичный персонаж. В 1951 г. по этой пьесе был поставлен фильм британского кинорежиссера Герберта Уилкокса «Леди с лампой». В 1912 и 1915 гг. вышли два немых фильма о ней, а в 1936 г. – звуковой фильм «Белый ангел», в 1985 г. – фильм о ней канадского режиссера Дэрила Дьюка, в 1993 г. – американский мультипликационный фильм «Флоренс Найтингейл», а в 2008 г. – телефильм известного британского режиссера Нормана Стоуна «Флоренс Найтингейл», который имел большой успех на канале Би-би-си – 1. Существуют музеи Флоренс Найтингейл и медаль ее имени – международная награда медсестрам, а их международный день отмечается в день ее рождения – 12 мая. В 2002 г. Найтингейл была названа 52-й в списке из 100 великих британцев по результатам голосования в Великобритании. В англиканских церквях ее поминают по праздникам.

Наиболее выдающийся английский роман о Крымской войне – «Мастер Джорджи», опубликованный известной писательницей Берил Бейнбридж (1932–2010) в 1998 г.: он получил Букеровскую премию. В нем, как и полагается в романе, изложена история с любовной интригой. Однако роман основан на литературных и исторических источниках. В одном из интервью Бейнбридж призналась, что изучала батальные сцены Крымской войны на полотнах британской художницы-баталистки Элизабет Томпсон, леди Батлер (1846–1933) и фотографиях Роберта Фентона [3]. Война показана в романе как полная неразбериха, бойня, рассадник антисанитарии, место массовой гибели от эпидемий, в общем – как национальная катастрофа. Образа врага, как и у Теннисона, в романе нет, русские лишь упоминаются. Так, один из персонажей – доктор Поттер – рассказывает, что лет за двадцать до событий 1854 г. побывал в Крыму, осматривал Балаклаву, береговую линию и издал на свои средства статью о строении степного песчанника, характерного для западной части Ногайской степи – откликов на нее не последовало. Доктор отговаривает жену главного героя, тем более с детьми, сопровождать мужа в Россию, говорит ей о «суровом климате, морозных ночах и буйных веснах, паля-

щем июле и августе, о выжженной растительности, о мухах...» [1, с. 29]. В романе коротко сказано, что когда герои были в Константинополе, Англия объявила войну России, и, как замечает тот же Поттер, последовала «тошнотворнейшая демонстрация патриотического пыла» [1, с. 36]. Джорджи, хирург, идет на войну, надеясь на то, что она вернет ему смысл жизни [1, с. 37], утраченный в прошлом, но находит только нелепую, случайную гибель. Герои, приплыв в Крым, высадились в одной из бухт Каркинитского залива на пустой берег. Британский штаб расположился в Балаклаве. «Джордж туда наведался дважды, пытаясь раздобыться лекарствами и одеялами. Грязь на улицах несусветная, гавань забита взбухшими останками лошадей, верблюдов, а то и людей – все это ужасает» [1, с. 66]. Русские изображены лишь в сцене, символизирующей нелепость войны: «Русские ждать себя не заставили, наскочили, вынырнули из тумана, – вспоминает один из персонажей (Помпи Джонс), – точь-в-точь – мы, как в зеркале, глаза выпучены от страха, кивера ошетилены, как кустарник. Завязалась рукопашная – вот когда пригодился штык. <...> Я видел такое: сошлись один на один наш офицер из 21-го и тоже офицер, русский. Дрались на саблях, кружили друг против друга раскорякой, *как обезьяны* [курсив мой. – Т. К.]. А солдаты, те и другие, стали в кружок, науськивали, подбадривали, крепко ругались. Я смотрел из-за спин на этот танец смерти. Когда оба рухнули, пронзенные насмерть, кружок сразу рассыпался под *зверский* [курсив мой. – Т. К.] крик. <...> Я не знал, какое такое дело отстаиваю и почему так нужно убивать» [1, с. 82]. «Я <...> видел: двое стоят на коленях, смотрят друг другу в глаза и не падают – держатся на руках, упертых, как в ладушках. У стены гренадер обнимал штык, его припиливавший, как бабочку, к приставной лестнице» [1, с. 82]. Так же нелепо погиб главный герой – Джорджи: раненый русский, стоявший сзади, «опершись на мешки с песком, поднял мушкет и пальнул. Джордж выпустил носилки, бочка покатилась, взметнулись серые клубы пороха» и далее следует так напоминающее о Толстом: «Он смотрел на меня большими от удивленья глазами» [1, с. 83].

Война предстает в романе как бессмысленная бойня, сопровождающаяся озверением людей (поэтому сравнение «как обезьяны» и крик «зверский»). В целом же и русские, и британцы показаны как игрушки и жертвы нелепых, неведомых сил, загнавших их в эту абсурдную ситуацию.

Образ Крымской войны в английской литературе сложился во многом под влиянием прессы: журналисты и фотографы создали свой образ Крымской войны. Война сохранилась в памяти англичан в основном по фотографиям (поэтому каждая глава в романе – фотография), что, казалось бы, гарантирует правдивость изображения происходящего. Но неожиданная «вставка» убитого Джорджи в число живых фотографируемых участников ради эффекта «завершенной композиции» выявляет неправдивость и фотографии, т.е. налицо постмодернистский принцип относительности исторической истины, несомненны лишь война и ее кошмар, показанные с английской стороны. Не случайно заключительная часть романа – «Пластинка шестая», датированная ноябрем 1854 г., иронически названа «Улыбаемся, улыбаемся, братцы».

Роман Бейнбридж – произведение, на первый взгляд, о всепоглощающей, жертвенной любви – на самом деле повествует о неуместности, ненужности и жестокости войны. Вот и О. Файджес расценивает Крымскую войну, разрушительную для всех, в том числе для самого Крыма и его культуры, для британцев и русских, унесшую более полумиллиона жизней, как бессмысленную.

И современный британский публицист и историк Энгус Макквин, прочитав книгу О. Файджеса, размышляет: война ушла в прошлое, «очевидно, что мы (британцы, французы и турки, которых мы презирали) победили, экспансионистские амбиции России были пресечены, но в чем была победа, до сих пор трудно объяснить» [7]. Сама война теперь почти забыта, сохранились лишь символы, ее культовые фигуры и события.

В самом центре Лондона – на перекрестке Риджент-стрит и Пэлл-Мэлл находится памятник павшим в Крымской войне 1853–1856 гг. – Crimean War Memorial. Он был воздвигнут вскоре после войны – в 1861 г., надпись на нем гласит: «В память о 2152 офицерах, унтер-офицерах и рядовых, павших в войне с Россией в 1854–

1856. Воздвигнуто их товарищами». Металлические части памятника отлиты из пушек, захваченных британскими войсками в Крыму. На торце памятника лаконичная надпись: Крым. Названы и основные бои: бой на реке Альма, у Инкермана, осада Севастополя. В 1914 г. композицию монумента дополнили две статуи. Первая – Флоренс Найтингейл. Вторая – Сидней Герберт Ли (1810–1861) – во время Крымской войны он был военным министром Великобритании и поддерживал Флоренс Найтингейл. Некий парадокс кроется в том, что он был наполовину русский: его мать – графиня Екатерина Воронцова, дочь русского посла (1785–1806) графа Семена Романовича Воронцова, в честь которого названа одна из улиц Лондона.

Список литературы

1. Бейнбридж Б. Мастер Джорджи / пер. Е. Суриц // Иностранная литература. – Москва, 2000. – № 7. – С. 3–83.
2. Брайтон Т. Ездоки в ад : правда о бригаде легкой кавалерии. Brighton T. Hell riders : the truth about the Charge of the light brigade. – London : Penguin, 2005. – 416 p.
3. Гаппи С. Интервью с Берил Бейнбридж. Guppy S. The art of fiction : interview with Beril Bainbridge // The Paris review. – 2000. – N 164. – URL: <http://www.theparisreview.org/interviews/561/the-art-of-fiction-no-164-beryl-bainbridge>
4. Диалог между Джон Булем и царем. A Dialogue between John Bull and the Czar // Europeana [electronic resource]. – URL: https://www.europeana.eu/nl/item/45/_Resource_74894707
5. Корреспондент [Рассел У.Х.]. Кавалерийская атака в Балаклаве 25 октября. Correspondent [Russell W.H.]. The cavalry action at Balaclava 25 October // The Times. – London, 1854. – N 21898, 14.11. – P. 7–8.
6. Лэмберт Э. История на Би-би-си : Крымская война. Lambert A. The Crimean war // BBC. History [electronic resource]. – URL: http://www.bbc.co.uk/history/british/victorians/crimea_01.shtml
7. Макквин Э. Орландо Файджес. Крым : последний крестовый поход. (Рецензия). Macqueen A. Crimea : the last Crusade by Orlando Figes – review // The Guardian. – London, 2010. – 10 Oct. – URL: <https://www.theguardian.com/books/2010/oct/10/crimea-last-crusade-figes-review>. – (Rev. of : Figes O. Crimea: the last Crusade. – London : Allen Lane, 2010. – 550 p.).
8. Марковиц С. Крымская война в британском сознании.

- Markovits S. The Crimean war in the British imagination. – Cambridge : Cambridge univ. press, 2009. – 304 p.
9. Поздняя переписка лорда Джона Рассела / ред.-сост. Гуч Г.П. The later correspondence of Lord John Russell / ed. by Gooch G.P. – London : Longmans, Green and Company, 1925. – Vol. 2 : 1840–1878. – 407 p.
10. Ройл Т. Крым. Великая Крымская война, 1854–1856. Royle T. Crimea. The Great Crimean war, 1854–1856. – London : Penguin, 2004. – 594 p.
11. Российский император откинул копыта. Emperor of Russia kicked the bucket // Europeana [electronic resource]. – URL: https://www.europeana.eu/en/item/45/_Resource_74891932
12. Сидорова О.Г. Изображение Крымской войны в английской литературе // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2014. – № 3(130). – С. 106–113.
13. Теннисон А. Атака легкой кавалерии. Tennyson A. The charge of the light brigade // Poetry foundation [electronic resource]. – URL: <https://www.poetryfoundation.org/poems/45319/the-charge-of-the-light-brigade>
14. Треvelьян Д. История Англии от Чосера до королевы Виктории / пер. А.А. Крушинской, К.Н. Татариновой. – Смоленск : Русич, 2005. – 624 с.
15. Файджес О. Крым : Последний крестовый поход. Figes O. Crimea: The last Crusade. – London : Allen Lane, 2010. – 550 p.